

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Левый И. Искусство перевода. – М.: Прогресс, 1974. – 397 с.
2. Некряч Т.Є. Муки і радощі драматичного перекладу // Од слова путь верстаючи й до слова. Збірник на пошану Р.П.Зорівчак. – Львів: ЛНУ ім. Івана Франка, 2008. – С. 108 – 126.
3. Некряч Т.Є. Переклад для театру: пастки та принади // Наукові записки. Серія: філологічні науки (мовознавство). Вип.81 (4). – Кіровоград: КДПУ ім. Володимира Винниченка, 2009. – С. 194 – 197.
4. Пушкин А.С. Сочинения. – М.: ОГИЗ, 1949. – 952 с.
5. Уайльд О. Избранные произведения в двух томах. Том второй. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1961.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Тетяна Некряч – кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії та практики перекладу з англійської мови Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

Наукові інтереси: теорія та практика художнього перекладу, стилістичні аспекти перекладу, переклад і культура.

АНГЛИЙСКИЕ МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Владимир ОВСЯННИКОВ (Запорожье, Украина)

У статті розглядається проблема відтворення найскладнішої лексико-граматичної категорії – модальності - у перекладі англійських дієслів.

The article elaborates on rendering modality – the most complicated lexical / grammatical category – in the translation of English modal verbs.

Задача статті – показати актуальність думки Я. И. Рецкера, утверждавшего, что в английском языке нет другой лексико-грамматической категории, которая бы представляла большие трудности в процессе перевода, чем категория модальности [7: 166].

В любом труде, рассматривающем вопросы перевода, проблема модальности в той или иной форме возникает (в художественном переводе вообще не может быть комментария без обращения к этой категории), но терминологически эта проблема может оформляться как «коннотативная нагрузка», «приращения смысла», «функциональная перспектива», «прагматическая ориентация», «точка зрения» и т. д. Между тем, все эти термины являются лишь попыткой развития и конкретизации одного из старейших терминов логики и лингвистики: модальности.

Как сообщает словарь Н. И. Кондакова, «**модальность суждения** (лат. modus – мера, наклонение) – это характеристика суждения в зависимости от характера устанавливаемой им достоверности, т. е. от того, утверждается ли в нём возможность, действительность или необходимость чего-либо» [4].

В середине XIII в. Вильгельм Шервуд насчитывал шесть видов модальных форм: истинно, ложно, возможно, невозможно, случайно, необходимо. Данные шесть видов легко свести к трём дихотомиям: 1) истинно - ложно, 2) возможно - невозможно, 3) случайно - необходимо. Принцип дихотомии нарушается уже в следующем столетии, когда модальные формы сведены к трём: неизбежно, возможно и невозможно (позднее – истинно, ложно и неразрешимо). В традиционной формальной логике суждения по модальности делятся на три группы: суждения возможности (проблематические), суждения действительности (ассерторические) и суждения необходимости (аподиктические). В **суждении возможности** отображается вероятность наличия или отсутствия признака у предмета, о котором говорится в данном суждении (напр., «Возможно, в этом году мой сосед поступит в МГУ»). В **суждении действительности** констатируется наличие или отсутствие у предмета того или иного признака (напр., «Высотное здание на Смоленской площади – одно из красивейших зданий города Москвы»). В **суждении необходимости** отображается такой признак, который имеется у предмета при всех условиях (напр., «Общество не может существовать без обмена мыслей»). Различие суждений по модальности определяется не субъективным желанием лица, высказывающего то или иное суждение, а объективной действительностью. Поэтому наличие в суждении, например, слова «необходимо», еще не означает, что это суждение непременно аподиктическое [4].

В лингвистике модальные формы имеют более широкий диапазон, чем в логике. Лингвистика различает объективную и субъективную модальность (в отличие от

объективной, субъективная имеет языковые ресурсы, стремящиеся к бесконечности). Первая изучается логикой и является неотъемлемой частью любого высказывания. Объективная модальность – «душа предложения», по словам Балли – проявляется в такой глагольной категории, как наклонение. Субъективная модальность является факультативным признаком предложения. Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, включающее не только логическую квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной оценки [5].

Наиболее ясную картину модальных значений в английском языке обнаруживает раздел грамматики, представляющий модальные глаголы, к числу которых авторитетнейшая грамматика английского издательства Лонгмен относит 9 слов: *can, could, may, might, shall, should, will, would, must*. Наряду с центральными глаголами свою лепту в дифференциацию модальных оттенков вносят полумодальные глаголы *ought to, need (to), dare (to), used (to)*, а также некоторые идиоматические выражения с модальными функциями (*had*) *better, have to, (have) got to, be supposed to, be going to*.

Существует историческое объяснение преимущественному употреблению полумодальных глаголов в разговорной речи. Модальные глаголы сформировались к 10-му веку. Полумодальные, по данным оксфордского словаря, появились позже:

- 1) до 1400 года зафиксированы *ought to, need to, used to*;
- 2) между 1400 и 1650 зафиксированы *had better, have to, be going to*;
- 3) между 1650 и 1800 зафиксировано *be supposed to*;
- 4) после 1800 зафиксированы *better, (have) got to*.

Модальные и полумодальные глаголы (за исключением *used to*, который относится к прошлому) выражают три совокупности значений:

- 1) позволение, возможность, способность: *can, could, may, might*;
- 2) обязательство, необходимость: *must, should, (had) better, have (got) to, need to, ought to, be supposed to*;
- 3) волеизъявление, предположение: *will, would, shall, be going to*.

[8]

За исключением стандартного указания на более дифференцированную систему модальности в английских глаголах по сравнению с русскими, трудно найти другие, более обстоятельные комментарии, которые бы выходили за пределы указания на закономерности генерализации в подобных примерах:

'You're going to be a star. Nothing can stop you.'

'Well, then, you shall be my leading man.' (W. S. Maugham. Theatre)

- Ты **будешь** звездой. Что бы ни стояло у тебя на пути.

- Тогда ты **будешь** моим партнёром.

Генерализация проявляется в том, что нейтральное указание на будущее *You're going to be* и стилистически маркированное *you shall be* передаются одним глаголом **будешь**. Та же генерализация наблюдается и в немецком переводе:

'Du wirst ein Star werden. Nichts kann dich aufhalten.'

'Schön, dann wirst du mein Partner.'

Выбором глагола, указывающего на ближайшее будущее, французский перевод наиболее близок оригиналу, но генерализация образной основы оригинала (букв.: *будешь звездой*), сохранённой в русском и немецком переводах, делает в целом французский перевод бледнее: букв.: *пойдёшь далеко*:

Vous irez loin. Personne ne peut vous en empêcher.

Dans ce cas, ce sera vous mon jeune premier.

Русский перевод, на первый взгляд, больше отстает от оригинала опущением соответствия глаголу физической возможности **can** (в немецком и французском используются эквиваленты **kann** и **peut**). Однако это опущение компенсируется модуляцией, построенной на уступительном отношении: *Что бы ни стояло у тебя на пути*. Логическим продолжением уступительного предложения, является главное, присутствующее здесь имплицитно: *ты сможешь добиться своей цели*. Предпочтение, которое отдаётся в русском переводе варианту с модуляцией (а не формально эквивалентному варианту *Ничто не*

остановит тебе), объясняется стремлением сделать перевод более «естественным» с позиций стилистических норм разговорной идиоматики [9: 77].

Характер воссоздания семантики модальных глаголов будет не точным, если не коснуться особенностей отрицания в сопоставляемых языках (проявление объективной модальности). Английский и немецкий относятся к языкам одного отрицания, русский – одного или двух, французский – двух отрицаний [3: 210]. Французский вариант перевода по этой позиции отступает от оригинала дальше, чем немецкий и русский: *Personne ne peut vous en empêcher*. Вместе с тем, следует со всей определённой заявить, что эту разницу ни в коей мере не следует связывать с менталитетом носителей языков – она является лишь проявлением типологических различий языков [6].

Нейтрализация стилистического нарастания в переводе второй реплики оригинала является едва ли оправданной, поскольку языки перевода обладают глаголами, которые способны передать предположение, граничащее с необходимостью, как это наблюдается в переводе следующей реплики из того же диалога с аналогичной модальной семантикой:

*Then you **must** go into management yourself and make me your leading lady.*

*Значит, ты **должен** сам стать антрепренером и сделать меня исполнительницей главных ролей.*

*Du **mußt** ein eigenes Theater aufmachen.*

*Alors, **il faut** devenir directeur et me prendre comme vedette.*

Обращает на себя внимание опущение в немецком варианте, которое мотивируется причинно-следственными связями: если становишься антрепренером, значит ты – хозяин положения и можешь назначить любую актрису на роль ведущей. Такое опущение позволяет не «распылять» отношение должностования в модальном глаголе и экономить мыслительные усилия реципиента, что свойственно стратегии одомашнивания [10].

Контекстуальные приращения смысла в рассматриваемом классе языковых единиц несут характер стилистической импликации, которая является результатом многих переменных. Это обстоятельство мешает представить особенности модальности в виде строгих логических формул. Здесь чрезвычайно актуальной представляется мысль Балли о том, что стилистика не должна стремиться к слишком точной систематизации [1:18]. Так, описание выделенного фрагмента в примере ниже, как ассерторического суждения, ничего не говорит о стилистической импликации, которую должен уяснить переводчик, чтобы избежать или свести к минимуму потери информации:

*He had once killed a man in the ring and he had never regretted it. In the years since then, he **had yet to learn compassion** (Sidney Sheldon. The Rage of Angels).*

Однажды он убил человека на ринге, но никогда не сожалел об этом.

Полумодальный глагол **had to** актуализирует в данном случае не присущую ему идею должностования, а идею предположения: автор не исключает, что в будущем Ди Сильва научится состраданию. Эту мысль можно было бы отразить в переводе так: *ему только предстояло познать сострадание*. Опущение модального глагола в переводе (а здесь опущено целое предложение с интересующим нас глаголом) чаще всего говорит не об отсутствии соответствующих языковых ресурсов, а о стремлении переводчика оставаться «невидимым», для чего прибегают к разговорной идиоматике принимающей культуры. В данном случае переводчик воспользовался семантической близостью лексем *regret* и *compassion*, истолковав второе предложение как тавтологию. Отмеченные потери информации позволяют утверждать, что оценочная структура сообщения в переводе (проявление субъективной модальности) не вполне адекватно передаёт замысел автора.

Обратимся к другому примеру.

*Martinis, beer, brandy, Scotch, have another, and everything disappeared in a blur of alcohol–decency, fidelity, courage, decision. Parish **had to be the one** to jump across the room (I. Shaw. The Young Lions).*

*Мартины, пиво, бренди, виски, и в алкоголе тонут порядочность, верность, мужество, решительность. Парриш – **единственный**, кто метнулся через всю комнату (перевод с английского В. А. Вебера).*

Перед нами – несобственно-прямая речь героя, который сожалеет о своём пьянстве, помешавшем ему среагировать на опасную ситуацию – другой (Парриш) сделал это за него и спас человека от самоубийства. В этом примере полумодальный глагол *had to* выражает не идею вынужденного действия, а идею раздражения и недовольства собственной бездеятельностью. Опущение модального глагола в переводе – обычная ситуация. Тем более, для того случая, в котором стилистическая доминанта обозначена многими другими средствами, которые вполне **компенсируют** такое опущение. Однако, то, что приемлемо в рамках коммуникативного перевода, предполагающего присутствие «одомашнивания», не очень годится, если скопос определяется стратегией Шлейермахера. В языках одного (в нашем случае европейского) психотипа иерархия модальных средств может быть разной, но нет передаваемых в переводе комбинаций модальных отношений.

Принято считать, что приращение смысла (аккумуляция модальных отношений в нашем случае) – территория стилистики. Но мне представляется более обоснованной грамматический способ представления системных приращений смысла. Так, описывая конструкцию **haber + de (que) + Infinitivo**, грамматика испанского языка В. С. Виноградова указывает, что в сочетаниях с наречием **siempre**, обычно в восклицательных и вопросительных предложениях, данная конструкция встречается в разговорной речи и передаёт модальный оттенок негативного отношения либо к поступку или поведению лица, о котором идёт речь, либо к какой-нибудь ситуации:

Pero es que siempre has de estar dando la lata? (R. Fente y otros)

Ты что, всегда любишь (досл.: **должен**) *морочить голову?*

Выводы

1. В любом труде, рассматривающем вопросы перевода, проблема модальности в той или иной форме возникает, но терминологически эта проблема может оформляться по-разному и служить разным задачам переводческого исследования.

2. Наиболее универсальными и консервативными единицами-носителями модальности в языках европейского психического склада являются модальные глаголы, которые вместе с примыкающими к ним единицами (полумодальными глаголами и модальными идиомами) образуют особый класс грамматических единиц, способных самыми неожиданными приращениями смысла передать тончайшие эмоциональные нюансы высказывания.

3. Мысль Балли о том, что стилистика не должна стремиться к слишком точной систематизации, представляется чрезвычайно актуальной применительно к исследованию модальности. Даже такой консервативный класс языковых единиц, как модальные глаголы, обнаруживает необыкновенную семантическую гибкость. Это обстоятельство мешает представить особенности модальности в виде строгих логических формул. Логическая категоризация модальности – лишь стартовый капитал для лингвиста.

4. Опущение модального глагола в переводе чаще всего говорит не об отсутствии соответствующих языковых ресурсов, а о стремлении переводчика оставаться «невидимым», для чего прибегают к разговорной идиоматике принимающей культуры. С такой же целью используется добавление модального глагола там, где его нет в оригинале.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Балли, Шарль. Французская стилистика (перевод с французского К. А. Долиннина). – М.: Иностранная литература, 1961. – 395 с.
2. Виноградов В. С. Грамматика испанского языка. – М.: КДУ, 2005. – 432 с.
3. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1976. – 286 с.
4. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
6. Овсянников В. В. Американские проблемы в русском менталитете // Вісник Сумського державного університету. Серія Філологічні науки. № 11 (95) 2006. Том 1. – Суми: Видавництво СумДУ, 2006. – С. 78 – 82.
7. Рещер Я. И., Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. - М.: РВалент, 2004. – 240 с.
8. Biber, Douglas; Johansson, Stieg; Leech Geoffrey; Conrad, Susan; Finegan, Edward. Longman Grammar of Spoken and Written English. – London: Pearson Education Limited, 1999. – 1204 p.
9. Newmark, Peter. A Textbook of Translation. – Longman, 2003. – 292 p.
10. Venuti, Lawrence. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. – London and New York: Routledge, 1998. – 210 p.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Володимир Овсянников – доцент кафедри теорії і практики перекладу Запорізького національного університету.
 Наукові інтереси: перекладознавство, стилістика, гумор в мові і літературі, соціолінгвістика.